

Александр ТИТОВ

Александр Титов был разносторонней творческой личностью, автором целого ряда интересных публикаций. Кроме того, он играл разноплановые роли в Беломорском народном театре, где начинал как актёр и автор театральных обзоров, а затем и в Студенческом театре ЛГУ («История с метранпажем» Вавилова, «Свадьба» Чехова и др.). До того как заняться профессиональной журналистикой, Александр Титов дебютировал как поэт. Стихотворные подборки регулярно публиковались в районной и республиканских газетах, затем вышли в авторском сборнике «Стихотворения» и в коллективных сборниках в 1991 и 1992 гг. («Попытка» и др.).

Александр Фёдорович Титов не успел в полной мере реализовать свои многочисленные таланты. Он умер 29 июня 2008 года в возрасте 49 лет.

Александр Фёдорович ТИТОВ

родился 13 апреля 1959 года в Беломорске.

Окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета.

Работал в районной газете

«Беломорская трибуна»

корреспондентом и редактором.

В середине 80-х был собственным

корреспондентом молодёжной газеты «Комсомолец»

по северным районам Карелии.

**«Уходя в небо,
с собой не берёшь
балласта...»**

ТАМ ДОМ МОЙ

Там дом мой, где первое имя — ты.
По утрам стакан молока белого вкуса,
беседы с пойманной рыбой
о сущности красоты
и с мужиками —
о строительстве новых домов из бруса.
Там год за годом берег
все дальше воду
отодвигает, но нет ничего на дне.
Улыбчивые собаки легко меняют свободу
на верность —
единственное, что там в цене.
Там стареет обувь в сенях и дымит печка,
Постоянно изобретаешь способы всё понять.
И если не ручка в руке,
то на столе свечка,
и где-то рядом — обязательная тетрадь.
Там живёт тишина
и холод заходит часто,
светлое время суток напоминает рай.
Уходя в небо,
с собой не берёшь балласта,
ибо заняты руки,
чтобы махнуть «прощай».

К истокам! чѐрт со всеми с нами!
 К основам, к стартам, к встречам,
 к исходным данным, где словами
 не взбудоражен пульс в виске.
 Куда угодно: в дождь, под ветер,
 домой, из дому, в перепляс, —
 где первобытность междометий
 цивилизованнее фраз.
 Бежать, бежать: то в сон, то в лес, то
 в края глазастой немоты.

.....
 Чѐрт с нами, пусть имеют место
 местоименья «я» и «ты».

ОДИНОЧЕСТВО

Я стал старым. Сажу у окошка
 и часами в окошко гляжу.
 В доме тишь. Только изредка мошка
 или мушка споёт мне «жу-жу».
 На столе моём чай и сухарик,
 вдруг оставшийся с прошлого дня.
 Я сажу и гляжу, как очкарик,
 сам себя за сравнение браня.
 А на улице прелесть погода.
 В тёплый снег детвора залегла.
 И, как водится, масса народа
 бытовые решает дела.
 Кто ковѐр выбивает, кто вывел
 на прогулку домашних собак.
 Каждый шаг, каждый жест, каждый выверт
 так естествен, смотрится так!
 Вот подъехала фура с товаром.
 Началась распродажа «с колѐс».
 Вот уехала. Грузчики с жаром
 обсуждают какой-то вопрос.
 Город, вмѐрзший в сугробы по голень,
 для меня — как немое кино,
 и просмотром его я доволен.

 Скоро вечер и станет темно.
 Но и в час, как чернильною синью
 приударит полночный мороз,
 я, наверно, не сразу покину
 свой дневной наблюдательный пост.
 Я налью себе свежего чаю,
 вместе с мушкой сухарик съедим.
 Я стал старым — и я это знаю,
 как и то, что я не был другим.

УМЕРЕТЬ...

Умереть... В каждый миг умирать,
 быть готовым, лелеять болезни,
 путешествовать в страны, где глад
 или мор или что там полезней.
 Нежеланье тянуть до конца
 лямку жизни становится болью
 в час, когда ты хоронишь отца
 или брата, тем паче обоих.
 Эта боль, словно преданный грум
 скачет рядом и шепчет: «Исполни!»,
 становясь содержанием дум
 или снов, а вернее — бессонниц.
 День вчерашний на сей день похож,
 а сегодня — на завтра, в котором
 попадёшь под машину, на нож
 или сдохнешь под чьим-то забором.
 Эта боль не ломает, не гнѐт.
 Иногда она сладостна даже.
 Ты гадаешь всю жизнь напролѐт:
 где и как, но сначала — когда же?

* * *

Н.С.

Она — цветочница, она — не для меня.
 Ей — розы, гладиолусы и астры!
 Еѐ жених надѐжен, как броня, —
 богатый, молодой и коренастый.
 Мы перекинулись едва ли парой фраз.
 Еѐ зовут... допустим, Иванова.
 И мой роман — не наш, а мой! — в рассказ
 перерастает; может быть, и — в слово.
 Я, как всегда, слуга своих немот.
 Мне — скоро! — у подъезда ветки ёлок...
 Я тайну унесу — и не найдѐт
 еѐ ни друг, ни враг, ни археолог.